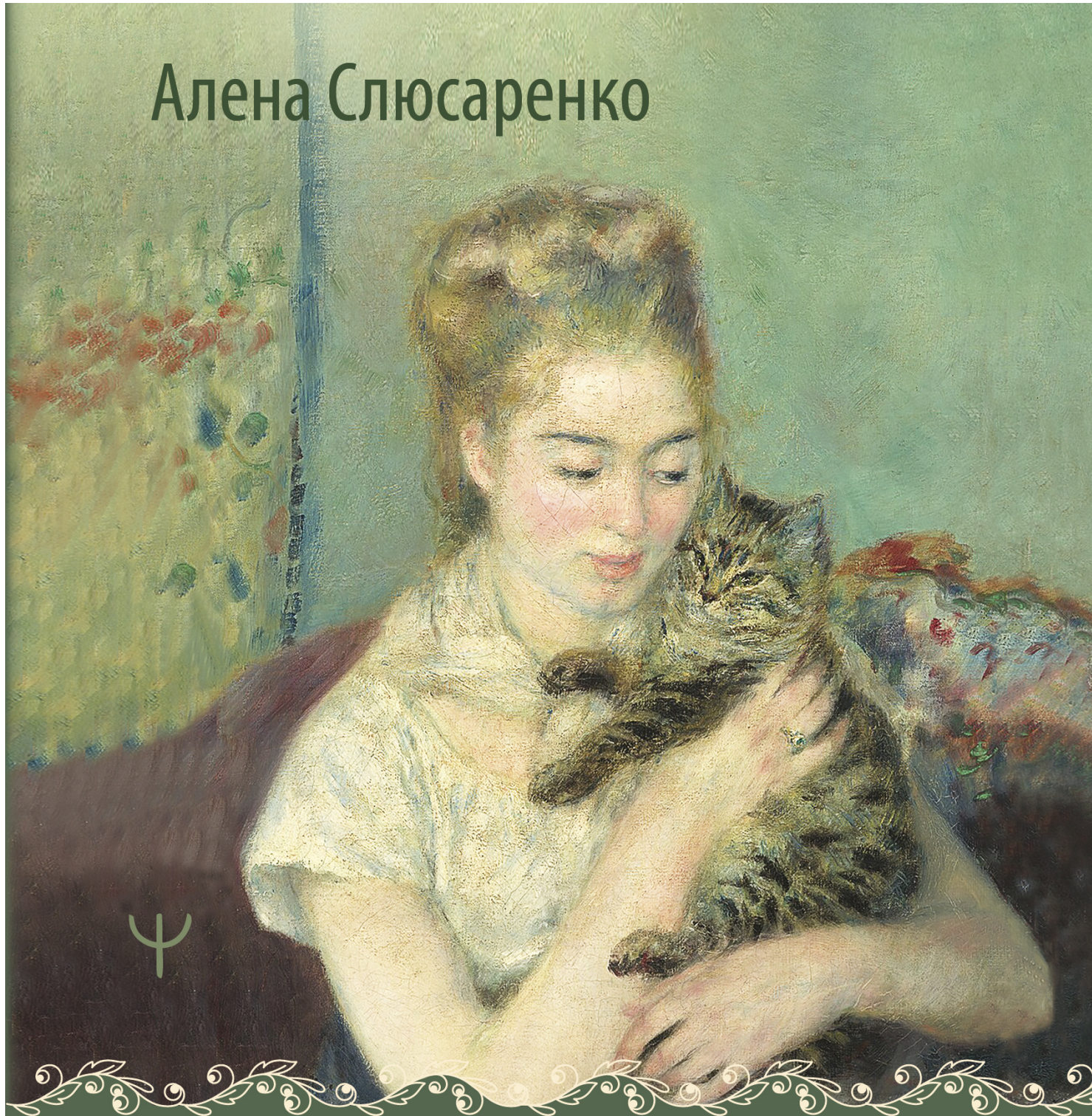

Алена Слюсаренко

Ψ

ПУШИСТАЯ КНИГА

Хвостатая психотерапия для уставших взрослых,
которым нужно вернуть веру в чудо

Теплые строки

Алена Слюсаренко

**Пушистая книга. Хвостатая
психотерапия для уставших
взрослых, которым нужно
вернуть веру в чудо**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 159.9
ББК 88.53

Слюсаренко А. В.

Пушистая книга. Хвостатая психотерапия для уставших взрослых,
которым нужно вернуть веру в чудо / А. В. Слюсаренко —
«Издательство АСТ», 2026 — (Теплые строки)

ISBN 978-5-17-190822-5

«Пушистая книга» – светлый путеводитель к теплу, надежде и внутреннему счастью. На ее страницах собраны трогательные рассказы о любви, верности и той особой связи, которая возникает между человеком и его четвероногим другом. Кот Василий избавит от равнодушия Вселенной, пес Горыныч смягчит мухоморный характер, а белка Искра поможет отрастить крылья. Истории заставят и улыбнуться, и погрузиться, но главное – дадут то самое ощущение опоры, которое так важно в трудные моменты. Эта книга помогает по-новому взглянуть на животных рядом с нами – как на тех преданных хранителей, которые умеют утешать, возвращают вкус к жизни и делают мир вокруг чуточку светлее и добрее.

УДК 159.9
ББК 88.53

ISBN 978-5-17-190822-5

© Слюсаренко А. В., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Вступление	6
Кощеевна и Горыныч	7
Мамка	11
Не собака	16
У подножия радуги	21
Живые подарки	25
Ветром принесло	31
Бабушка лохматая	36
Все как у людей	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алена Слюсаренко
Пушистая книга. Хвостатая
психотерапия для уставших взрослых,
которым нужно вернуть веру в чудо

Макет подготовлен редакцией «Прайм».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Слюсаренко А., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Вступление

Я всегда была интровертом. Наверное, с рождения. Мама говорила, что не смогла меня отдать в ясли, потому как в общем манеже я орала. Затихала только, когда меня отсаживали.

«Гражданочка, у вас совершенно неясельный ребенок. Воспитывайте эту индивидуальную листку сами!» – поставили мне диагноз.

С годами мало что изменилось. У меня не было ста друзей, которых полезно иметь вместо ста рублей. Их было всего трое, но зато надежных. В общем, отношения с людьми складывались нелегко.

С животными – другое дело! В нашей семье всегда были кошки и собаки, хомячки и декоративные крысы. Мне кажется, я понимаю их лучше, чем своих разумных собратьев.

Сейчас я уже дама, давно перешагнувшая возраст под названием «ягодка опять». Все так же люблю хвостатых, четвероногих и крылатых.

Они отвечают мне взаимностью. И мои две бывшеприютские собаки, и коты, которых я подкармливаю. Даже птицы по утрам приветствуют и требуют: «Бабка, кормушки пустые, насыпь чего-нибудь, а?»

Нет, все, что положено среднестатистическому гражданину в жизни, я сделала. Построила дом, посадила кучу деревьев, а еще вышла замуж и вырастила сына.

Лет пять назад получила удаленную профессию, сбежала из мегаполиса на дачу и начала писать. Конечно же, большинство моих историй о животных.

Многие литературные гуру советуют рассказывать о том, что автору близко. Я стараюсь следовать их совету.

Так появился этот сборник. Здесь есть мистика и романтика, драма и комедия. Хотелось уйти от записок юного натуралиста и показать братьев наших меньших со всей их сложностью и глубиной. Надеюсь, у меня получилось.

Кошеевна и Горыныч

Маргариту Васильевну во дворе не любили. Даже кличку ей дали – Кошеевна. Маленькая худенькая старушка обладала невероятной энергичностью и такой же вредностью. Бабульки на скамейках замолкали, мамы на детских площадках непроизвольно загораживали детишек своими могучими фигурами, а алкаши вытягивались по стойке смирно и переставали покачиваться, когда во двор выходила Кошеевна.

– Ну что, перечницы старые, затихарились? Бойтесь, что я ваши планы по захвату поликлиники выведаю? – приветствовала Маргарита Васильевна обитательниц лавочки, недобро смотревших на нее.

– А ты, Митяй, чего за стеночку держишься, упасть мне в ножки боишься? – интересовалась Кощеевна у местного алкоголика Мити.

– Нинка, где детенок-то твой?! А вот он, сердечный... За твоей кормой и не видать! Чего же это он у тебя по вечерам орет как резаный?! Убиваешь ты его там, что ли, или он у тебя просто невоспитанный? – Не могла молча пройти Кощеевна мимо соседки с верхнего этажа.

Вопросы Маргариты Васильевны обычно оставались без ответов: связываться с Кощеевной никто не хотел. Себе дороже. Впрочем, она и не ждала ответов, догадывалась, как к ней относятся окружающие. А поговорить иногда страсть как хотелось...

Поэтому, когда Кощеевна однажды выносила мусор на помойку и обнаружила «живой мешок», она обрадовалась. Нет, сначала, конечно, испугалась, даже за сердце схватилась. Видано ли, чтобы мусорный мешок самостоятельно ползал и при этом пищал! Но потом, собрав в кулак всю свою храбрость, Маргарита Васильевна подтянула странный мешок к себе поближе и развязала. Внутри копошился черный щенок с рыжими подпалинами...

– Вот тебе и пожалуйста! – удивилась Кощеевна. – За что же это тебя так, милый?! Самих бы их на помойку выкинуть!

После этого пламенного пожелания Кощеевна вынула щенка из мусорного пакета, прижала к груди и понесла домой.

– Не бойся, парень! Теперь заживешь как у Христа за пазухой! – обещала она.

Щенок был согласен и на меньшее: после помойки-то...

* * *

Зная, что весь двор кличет ее за глаза Кощеевной, Маргарита Васильевна над именем для щенка долго не думала.

– Будешь Горынычем, чтобы мне соответствовать! – объявила она найденышу.

Горыныч возражать не стал и в знак согласия тут же напрудил лужицу в коридоре.

– Хотя, может, стоило назвать тебя Водяным... – задумчиво произнесла Кощеевна и пошла за тряпкой.

Рос Горыныч быстро. И вскоре превратился в статного, длинноногого красавца, ростом выше колена хозяйки. Выглядел пес так, что невольно закрадывалось подозрение: наверное, его бабуля согрешила когда-то с доберманом... Маргарита Васильевна души в нем не чаяла: холила, лелеяла, иногда баловала, но и воспитывать не забывала.

Где-то она слышала, что команды для собаки должны быть короткими и понятными. Строго следуя этим правилам, Кощеевна обучала Горыныча.

– Кусь! – коротко приказывала она. И Горыныч скалил зубы, готовясь покарать врага.

– Не жрать! – командовала Кощеевна, пес послушно бросал только что схваченный с пола тапок.

– Брысь! – велела хозяйка. Горыныч беспрекословно шел к себе на лежанку.

– К мамке! – Пес подбегал к Маргарите Васильевне, восторженно виляя куцым хвостиком.

Дворовое сообщество отнеслось к появлению собаки у Кощеевны по-разному.

– Сама злющая, как собака, а теперь еще и настоящего пса завела! Добром это не кончится! – судачили старушки на скамейке.

– Плохо человеку одному, вот и завела родную душу, чего вы крыситесь, – высказывал свою точку зрения Митя-алкоголик, проходя мимо старушек.

– Главное, чтобы эта ненормальная за своим псом следила! Не дай бог, кого из детей цапнет! – переживала соседка сверху Нина, уперев руки в мощные бока, обтянутые веселой желтенькой футболкой.

* * *

Самой Маргарите Васильевне не было никакого дела до того, что о ней говорят. Горыныч прогнал из дома ставшее уже привычным тоскливое одиночество. И она ему была за это благодарна. А еще теперь ей было с кем гулять и разговаривать. Однажды вечером они совершали круг почета по двору. Кощеевна тихонько беседовала с Горынычем.

– Ты вот хороший пес, добрый... Тебя люди на помойку выкинули, а ты вроде как их простил. Хвостом нашим старухам у парадной машешь. Митьку-пьяницу ни разу не облаял. Мамашек с их отпрысками терпишь и зубы не скалишь. А я вот озлобилась с годами, характер испортился...

Так и было с чего! Сын Ванька про меня вспоминает раз в год. Видишь ли, я его жене Верке не нравлюсь. А чего я ей плохого сделала?! Жизни учила? Так, на то нам старость и дана, чтобы мудростью с молодым поколением делиться! А иначе бы умирали мы лет в тридцать, как только потомство родим!

Соседи меня опять же не любят. А вот за что?! За то, что правду говорю? Свои права отстаиваю?! А что же мне молчать, когда мне на шею садятся?! Если у Нинки ребяенок по ночам орет и мне спать мешает, почему я это терпеть должна?! А эти бациллы на лавочке? Ведь все кости мне уже перемыли, да и остальным жильцам тоже! Что же, я их поддеть не имею права?! – сегодня Кощеевна разошлась не на шутку.

Они уже сворачивали к дому, когда в тени кустов сирени увидели двоих. Мужчина схватил женщину за руку и, ругаясь шепотом, тащил в заросли. Та сопротивлялась.

– Помогите! – Кощеевна узнала голос Нинки, мамашки шумного ребенка сверху.

– Не ори, хуже будет! – прошипел мужчина и ловко зажал Нине рот.

Маргарита Васильевна, ни секунды не сомневаясь, отцепила поводок Горыныча.

– Кусь! – скомандовала она. И пес черной молнией метнулся к мужику.

– Ах ты! Отцепись! – взвыл мужик, выпустил Нину и рванулся в сторону, но пес держал крепко.

– К мамке! – рявкнула Кощеевна. Горыныч с сожалением выпустил вражескую штанину и потрусил к хозяйке. Мужик, прихрамывая и ругаясь, растворился в темноте.

Нину трясло, по красным пухлым щекам катились огромные, как градины, слезы.

– Ну, хватит уже, Нин, все позади! – Маргарита Васильевна погладила соседку по руке. Хотела ободряюще похлопать по плечу, но не дотянулась.

– С-с-спасибо... – Нина попыталась улыбнуться. – Даже представить не могу, чтобы со мной было, если бы вы не появились!

Маргарита Васильевна окинула взглядом дородную Нинкину фигуру, подумала: «Да ничего бы не было! Раздавила бы ты этого убогого как клопа!» Но озвучивать свои мысли не стала...

– А ты просто герой! Я тебе завтра вкусенького куплю! Спаситель! – Нина погладила Горыныча и пошла к парадной.

* * *

На следующий день, когда Кощеевна с Горынычем вышли во двор, их встречали, как героев! Когда только Нинка всем успела раззвонить о вечернем происшествии?!

– Ох, Маргарита, какой же у тебя песель толковый, оказывается! Молодец! Храбрец! – наперебой затараторили старушки на скамейке.

– А я говорил вам... – Многозначительно поднял палец Митяй. Но уточнять, что именно он говорил, не стал.

– Судя по всему, когда мы будем проходить мимо детской площадки, нас ждет салют. Ты уж не пугайся! – тихонько сказала Маргарита Васильевна Горынычу.

Салюта не было. Но мамочки смотрели на Кощеевну и ее пса настолько восторженно, что той стало неудобно. Неожиданно со скамейки поднялся смутно знакомый Маргарите Васильевне мужчина.

– Я слышал, вы мою жену вчера от насильника спасли. Спасибо! Вот уж не ожидал, что у вас такая хорошо обученная собака! Думал, невоспитанный охламон... – обратился он к Кощеевне.

Маргарита Васильевна зарделась от удовольствия.

– Да нет... Обучила кой-каким командам! Горыныч – умник, все на лету схватывает, – поведала Кощеевна. И тут же, увидев, что пес, заскучав, обнюхивает что-то, рявкнула: – Не жрать!

Собеседник Кощеевны подскочил, а Горыныч разочарованно оставил свою находку.

– Своеобразные у вас команды... – сказал мужчина, придерживаясь за левую половину груди.

– Так ведь пес понимает, а большего и не надо! – сказала Маргарита Васильевна.

– Наверное... – пробормотал мужчина, а потом спохватился. – Вот! Нина просила подарок своему спасителю передать! – Он протянул большой пакет, на котором была изображена веселенькая рыжая собачка. – Подарок...

С тех пор отношения с соседями у Кощеевны наладились. Нет, совсем идеальными они, конечно, не стали... Но явно улучшились. Бабульки у парадной стали вполне доброжелательно приветствовать ее и Горыныча. А уж когда Кощеевна и пес отходили на приличное расстояние, брались за перемывание косточек: тихонько, чтобы она не услышала. Да и звать ее стали теперь чаще по имени-отчеству.

Даже капризный Нинкин сынок, кажется, стал меньше орать по вечерам. А собственный сын Маргариты Васильевны поразил ее до глубины души, когда, наконец, приехал в гости и сообщил с порога:

– Мам, да ты у меня великий воспитатель и героиня в одном лице!

– А ты-то откуда знаешь?! – изумилась Кощеевна.

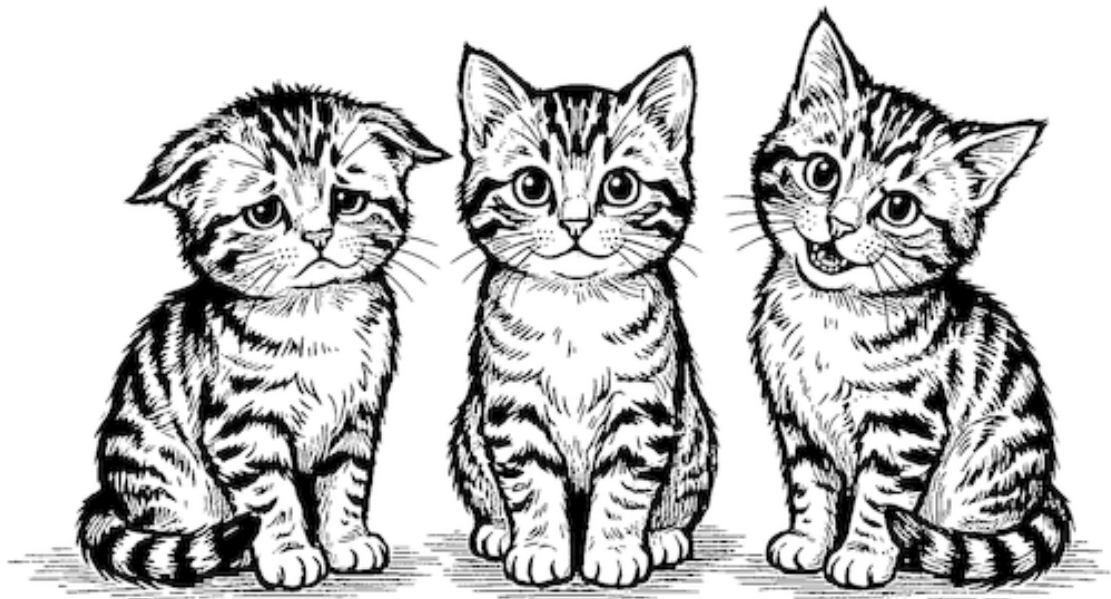
– Кумушки у подъезда лучше любого гугла! Всю информацию даже без запроса выдают. – Улыбнулся сын. – Может, зря моя Верка не захотела слушать, когда ты ее жизни учила...

Маргарите Васильевне было очень приятно слышать такие слова.

– Может, и зря! Вот Горыныч меня слушает, и все у него в жизни замечательно! – Маргарита Васильевна потрепала пса по голове.

Тот благодарно завилял своим куцым хвостиком.

Мамка

– Лужи, холодрыга, на макушку что-то капает – лето называется, – ворчала Жека, царапая взглядом мокрый тротуар по дороге на работу.

Вся ее жизнь была похожа на это хмурое утро. Какая-то она у Жеки получилась ни плохая и ни хорошая. Никакая! Сорок пять, а вот не чувствует себя Евгения Петровна Васильева ягодкой. Скорее урюком сушеным, ну, или изюмом каким-нибудь. Живет себе по инерции: на работу ходит, домой возвращается, еду готовит, кофе варит. Все по привычке. Тускло, блекло, безрадостно существует да небо коптит. А начиналось-то все вроде неплохо. Муж был, только сплыл. Другую нашел, покрасивее Жеки да поинтереснее. А саму Жеку, уходя, еще и носом, как котенка нашкодившего, в ее недостатки ткнул:

– Серая мышь ты, Евгения Петровна. Белесая моль! С тобой только на похороны ходить хорошо! А знаешь почему? Лицо у тебя всегда кислое. Да и одежда всегда подходящая для такого мероприятия – либо черная с серым, либо серая с черным.

Жека раньше за собой всего этого не замечала, а вот как благоверный пальцем указал, так и заметила. Действительно, улыбается она ой как редко. Мало в жизни причин для улыбок. А смех без причины – признак дурачины. Все это знают. И одежду Жека предпочитает темную, немаркую. Прав муж, во всем прав. Но все равно обидно.

– А чего же ты тогда на мне женился? Искал бы сразу женщину-праздник и мне бы нервную систему не портил, – возмутилась она.

– Так не знал я, что ты и внутри такая же траурная, как твоя одежда. Думал, серьезная. Решил, что для семьи серьезная женщина – самое то! А ты не серьезная. Ты просто скучная зануда. Увлечений у тебя нет. Желания базовые, эмоции рыбы. В общем, ухожу. Прощай, дорогая.

Переживала Жека предательство мужа. Где-то в глубине души плакала, страдала, только вот наружу все это не выпускала. Привыкла она так. Да и мама, если хоть слезинку увидит, начнет:

– Чего рыдаешь в три ручья? Какая беда случилась? Мужик ушел? Туда ему и дорога! Экие вы сейчас все нежные! Трудностей настоящих не нюхали. Горя большого не знали!

Можно подумать, сама Жекина мама это горе ложками черпала. Жила себе вполне нормально. Но вот не терпела она, когда из человека эмоции прут. Эдакая железная мадам. И дочку по своему подобию воспитывала.

Но с мамой все же было лучше, чем совсем одной. Это Жека поняла, когда мамы не стало. Инфаркт. Не выдержало мамино сердце: разорвалось от непрожитых эмоций и подавленных чувств. Так думала Жека.

Со смертью матери жизнь окончательно потеряла краски, а их и без того было негусто. Друзей у Жеки не водилось. Ну кому интересно дружить с вечно хмурой, ворчливой теткой. Животных Жека сама не жаловала. Никогда их в доме не было, и сейчас не нужно.

Но тем прохладным мокрым утром случилось удивительное.

* * *

Серая облезлая кошка заступила Евгении Петровне дорогу. Села аккурат между двух луж, на единственный асфальтовый островок, где можно было пройти, и попросила:

– Мау, мау!

– Брысь! – велела Жека, не зная кошачьего языка.

Кошка уходить не собиралась. Смотрела на Жеку, как на последнюю надежду, потом и вовсе подошла, обняла Жекину ногу облезлым хвостом и снова взмолилась:

– Мау!

«Эх, бедняга! – неожиданно пришла в Жекину голову мысль. – Такая же серая, брошенная и ненужная, как я сама. Помочь, что ли, для разнообразия? Ведь куда-то она меня зовет». А кошка и правда звала, делала шажочки в сторону, оборачивалась, умоляла взглядом, а потом снова возвращалась к Жекиной ноге.

И добились-таки своего. Евгения Петровна Васильева, удивляясь самой себе, последовала за серой бездомной кошкой. Та привела ее к мокрым от дождя зарослям сирени, нырнула в сырой полумрак. Жека, чертыхаясь, натянула на голову капюшон куртки, заглянула в сиреневые джунгли.

Трое котят попискивали в сырой траве, а рядом копошился маленький щенок.

– Вот тебе раз! – удивилась Жека. – Это как у тебя такое получилось? С котятками все ясно, а собака-то откуда?

Кошка отвечать не стала. Деловито подошла к своему семейству, всех облизала, успокоила, а потом взяла собачью мелюзгу за шкурку и подтащила к Жекиным туфлям.

– Ты хочешь, чтобы я этого забрала? – догадалась Жека. – Ну ничего себе! Ты прямо супермамка: заботливая, ответственная, добрая.

Она подняла крошечного щенка на руки, задумалась: «Ну хорошо, его заберу. А кошка с котятками? Как они-то будут? Жалко!» Мысли были непривычные, словно не Жекины. Никогда она раньше не отличалась эмпатией. А тут гляди ж ты. Проняло! Да еще как проняло, аж до слез, до самой глубины души. «Старею», – думала Жека, а сама тем временем собирала пищащий выводок за пазуху. Кошка не мешала: чувствовала – не навредит им Жека. Кошки про такое просто знают.

– Ну пошли, мамаша! – позвала ее Жека. – Теперь у вас другой адрес будет.

Кошка муркнула и засеменила рядом с Жекой к подъезду.

* * *

На работу она, конечно, безнадежно опоздала. И немудрено. Пока принесла шерстяных карапузов домой, пока место для новых жильцов обустроила. В общем, провозилась.

– Евгения, чего это ты сегодня? – директор магазина на Жеку даже не ругалась. – Ты же у нас никогда не опаздываешь.

«Ну раз никогда не опаздываю, чего прицепилась?» – подумала Жека. Но вместо этого неожиданно для себя сказала:

– А вам котик не нужен, Любовь Ивановна? Или собачка?

Такого вопроса начальница от Жеки не ожидала. Она-то была уверена, что Евгения Петровна Васильева все живое либо ненавидит, либо испытывает к нему чувство полнейшего безразличия. А тут вдруг кошечка, собачка...

– Мне не надо. Уже есть. А вот девочкам нашим предложить могу, – слегка растерялась Любовь Ивановна.

– Спасибо, – сдержанно кивнула Жека. – Будет очень кстати. А то я в своей бухгалтерии и не вижу никого почти.

Поблагодарила и уткнулась в монитор, закопалась в делах насущных. Но ненадолго, так как вскоре в дверь постучали:

– Евгения Петровна, можно? – В дверь заглянула Зиночка, продавец сопутствующих товаров.

Жека настороженно кивнула: «Чего это она? Премию оспаривать явилась? Все-то им мало!»

– Я насчет кошечки... – Зина просочилась в кабинет. – Мне Любовь Ивановна сказала, что вы кошку отдаете.

– Котят, – поправила Жека. – Троих и одного щенка. Порода никакая. Подобраны под кустом сегодня утром.

Жека говорила привычно сухо, словно отчет читала. Но, несмотря на это, Зиночка выглядела удивленной.

– Вы подобрали котят? На улице? Бездомных? – переспросила она так, словно Жека единолично спасала Землю от апокалипсиса.

– Подобрала. Меня кошка позвала, – попыталась объяснить Жека, чувствуя себя при этом чудовищно глупо.

– Ой, как же это мило! – вздохнула Зиночка и порозовела. – Я-то думала, вы... А вы! Жеке стало совсем неловко.

– Ну так что? Котят смотреть будете? Я вам адрес тогда напишу, – спряталась она за официальным тоном.

– Буду! И котят буду смотреть, и собачку. Только, если не возражаете, я еще Леночку из молочки и Верочку из гастронома прихвачу? А то одной-то мне столько животных ни к чему. А они тоже интересовались, только вот зайти к вам побоялись. Меня отправили.

– Побоялись? – изумилась Жека.

Она предполагала, что коллеги ее недолюбливают, избегают, но вот что бояться! Это что-то новенькое. Она же вроде ни на кого голос не повышает. Ведет себя со всеми ровно-отстраненно. А гляди же ты. Напугать, оказывается, и без крика можно.

– Ну, да! – кивнула Зиночка. – Говорят, не может наша Жека... Ой, простите, Евгения Петровна, котят пристраивать. Директор точно что-то напутала. Наша Жека, ой... Бухгалтер наш скорее живых змей в раздевалку запустит, чем кого-то пожалеет.

«Ничего себе мнение о моей персоне!» – ужаснулась Жека.

– А еще что говорят? – она строго посмотрела на Зиночку.

– Да ничего... – замялась та.

– Ну нет уж, Зинаида, колитесь до конца.

– Ну чего говорят... Говорят, что вы сухарь, простите, что живете одна, что ни детей, ни мужа, ни интересов, кроме работы, у вас нет. Поэтому вы такая мрачная и равнодушная! Вот, в общем-то, и все. – Зиночка боялась поднять на Жеку глаза.

– Понятно... Ну ладно, вы не тушуйтесь, Зинаида. Держите, – Жека протянула Зиночке желтенький стикер с написанным на нем адресом. – Жду вас часов в восемь.

Зиночка схватила листочек и выскользнула из кабинета, оставив Жеку в раздумьях. «Сама виновата. Выстроила вокруг себя стену, на людей смотрю как на микробов. Вот и сплетничают. Да и правы они во многом: превратила свою жизнь в день сурка. Работа-дом, дом-работа. Ни увлечений, ни привязанностей. Один дурак сто лет назад обидел, а я на всей жизни крест поставила. Конечно, еще мама руку приложила... Так ведь уже и мамы сколько лет нет. Сама уже не девочка, а все жить никак не начну! Разве ж у меня жизнь? Функция! Нет, пора с этим завязывать».

* * *

Девочки котят разобрали. Всех троих: двух котов и одну кошечку. А вот их серую мамку Жека у себя оставила, как и черного щенка.

Как он появился в кошачьей семье, долго оставалось загадкой. Но однажды, много месяцев спустя, и эта тайна раскрылась.

Жека тогда гуляла с Угольком, Мурка смотрела на них из окна, ждала. И вот у своего подъезда разговорилась она с соседкой Егоровной. Такое теперь частенько случалось:

– Красавца своего прогуливаешь, Женечка? – помахала рукой Егоровна. – Хороший какой песель вырос. Красивый, упитанный, блестящий. Хвост задорный, колечком.

Уголек сел, наострил треугольнички ушей, словно понимал, что о нем говорит Егоровна.

А та продолжила:

– Вот хороший ты все же человек. Хоть и долго это скрывала. Песика приютила, кошечку пожалела. А ведь есть и другие! Нелюди! Например, сосед мой, Славка. Такое тебе сейчас про этого изверга расскажу, заплачешь.

У Егоровны сегодня было желание поговорить, и Жека присела на лавочку рядом с ней.

– Встретила я однажды этого Славку с черным мусорным пакетом на лестнице. Поздоровалась. Тот буркнул что-то в ответ – вежливость не его конек. Я бы так и прошла мимо. Вдруг слышу, а в мешке у него что-то пищит. «Чего это там у тебя?» – спрашиваю. А он на меня зыркнул недобро и молча по лестнице вниз!

Я сначала смалодушничала, убедить себя пыталась, что послышалось мне. А потом не выдержала, рванула к мусорным бакам. Никого не нашла. Только пакет пустой, порванный, на вершине мусорной кучи трепещет. Да кошка тощая в зубах что-то тяжелое, черное прочь потащила. Я без очков и не разглядела.

Но я тебе говорю точно: живое там что-то было! Щенок или котенок. Потому что позже я слышала, как Славкин сынишка рыдал: «Зачем ты его выкинул, папка? Он же живой, хороший!» А Славка на него рычал: «Нечего заразу всякую в дом таскать!» Ясно же, кто у него в мешке был. Эх, не успела я, трусиха старая! Не помогла животинке. Простить себе этого не могу.

Но вот что я думаю. Раз не нашла я никого в мусорке, может, спасся бедолага? Как ты-то думаешь, Женечка?

– Думаю, спасся, – улыбнулась Жека и погладила Уголька по голове.

Все встало на места. Мурка-мамка, не иначе, вытащила бедолагу из мусорки.

– Пойдем мы, Маргарита Егоровна, – попрощалась Жека. – Кошка нас заждалась уже. Вон по подоконнику туда-сюда бродит.

– Идите, дорогие. Доброго вам денечка, – пожелала Егоровна.

* * *

Дома Жека обняла Мурку:

– Спасительница ты моя. Героиня полосатая. Ты же не только Уголька спасла. Ты и мне жизнь вернула. Пойдем-ка я тебя печеночной котлеткой угощу. Это самое маленькое, что тебе за твои подвиги полагается!

Позже Жека сидела за столом, наблюдала, как трапезничают ее питомцы, и думала: «А жизнь-то краски обрела. И люди вокруг оказались симпатичными. Да и просыпаться каждый день интересно стало. А ведь всего-то и было нужно – завести себе хвостатого друга. Чего я этого раньше не сделала? Наверное, специально Уголька с Муркой ждала». В общем, жизнь продолжается.

Не собака

– Ну что, Маруська, придется нам с тобой дружить. Иначе никак. – Лена присела рядом с маленькой собачкой и даже рискнула погладить.

Маруська не отреагировала: не оскалила острые, как иголки, зубки, не тявкнула, даже не пошевелилась. В душе маленькой чихуахуа поселилось горе. Такое огромное и тяжелое, что не было сил подняться на тонкие лапки: умерла хозяйка...

* * *

Лена с детства мечтала о собаке: большой, сильной, красивой и умной. Такой, как, например, овчарка или сенбернар или... Да мало ли еще прекрасных собак на свете. Но вот родители... Их аргументы были банальны и непоколебимы.

– Собака – это шерсть, грязь, сожранные вещи и время! Поэтому – никогда! – говорила Ленина мама.

– Собака – это ответственность, траты и беспокойство! А потому – ни за что! – вторил ей папа.

Нет, Лена в детстве, конечно, умоляла и даже пыталась плакать. Бесполезно. Но однажды, когда Лене уже исполнилось двенадцать лет...

– Лен, можешь считать, что у тебя почти есть собака! – сообщила мама.

– Это как? – не поняла Лена.

– Бабуля твоя на старости лет с ума сошла! Завела себе, как она говорит, «подруженицу». Вроде какую-то породистую, но я не видела. Так что можешь навестить бабушку, а заодно и с ее новой подружкой познакомишься.

Лена не заставила себя уговаривать. Уже через полчаса она стояла перед дверью бабули и нетерпеливо вдавливала кнопку звонка. Сперва раздалось звонкое твяканье, а потом зашаркали бабушкины шаги...

– Маруська, да пусти же! Ух, какая же ты суетная! – послышалось ворчание, и дверь распахнулась.

– Леночка? Ой, только не наступи на эту суматоху.

Лена опустила глаза... И это собака?! Под ногами крутилось что-то крошечное, персикового цвета. Больше похожее на несурзального котенка.

– Знакомься, это Маруська! – представила малявку бабуля.

Лена изо всех сил старалась не выдать своего разочарования. Маруська была вовсе не похожа на собаку ее мечты. Если честно, то она вообще не очень тянула на собаку. Так, мелочь декоративная.

– Погладить не предлагаю! Нужно, чтобы она к тебе попривыкла. Характер у этой малявки тот еще! Давайте, заходите обе! – бабуля посторонилась, пропуская в квартиру Лену и конвоирующую ее Маруську.

* * *

Годы бежали, и Лена потихоньку привыкла к Марусе. Та всегда была рядом с бабулей: путалась под ногами, сидела на коленях, сопровождала в магазин. Маруська тоже приняла Лену. Бабуля с первого знакомства объяснила своей «подруженице»:

– Это Лена, моя внучка и член нашей семьи! Я ее люблю, поэтому ты уж, будь добра, не ревнуй.

Маруська, скрепя сердце, смирилась: «Ну что поделаешь, не одна я у бабули! Вот еще какая-то двуногая нарисовалась! Хорошо, хоть не кошка!»

– Бабуль, а чего ты такую фитильку завела? Это же не собака, а клоп какой-то! – однажды поинтересовалась Лена.

– Ты Маруську не обижай! Она у меня самая что ни на есть прекрасная собака! Защитница, охранница, подруга! Ты вот ее клопом ругаешь, а она никого не боится! Тут на меня как-то бульдожка зарычал, чем-то я ему не понравилась, видать... Не поверишь: я Марусю еле удержала, так рванулась к обидчику, что я за его здоровье испугалась! Думала, сожрет сейчас с потрохами! Несмотря на свои скромные размеры. Смелая до жути!

Бабушка с любовью погладила Маруську. Та блаженно прикрыла глаза.

Правда, друзьями Лена и маленькая чихуахуа так и не стали. Терпели друг друга, не более того. А вот с бабушкой у Маруськи была любовь. Да такая, какой и люди могли бы позавидовать. Бабушка была Марусиным миром, солнцем и всеми временами года одновременно. А взамен она дарила покой, уют и, конечно, защиту!

Поэтому, когда спустя семь лет бабушки не стало, Маруська потеряла к жизни всякий интерес. Лене тогда уже стукнуло девятнадцать, и она стала законной наследницей маленькой бабушкиной квартирki и Маруськи...

* * *

– Марусь, нам ведь дружить надо. Бабуля так хотела. Ну, поешь, пожалуйста. По-дружески тебя прошу! – уговаривала Лена.

Маруська равнодушно смотрела на молодую хозяйку, потом на миску и не ела. Ни в какую. Казалось, что душа маленькой чихуашки ушла, чтобы проводить бабулю... И возвращаться не торопится.

Правда, иногда, ночами на Маруську, казалось, наваливалась вся боль утраты. И тогда она плакала на одинокой темной кухне. Лена просыпалась, и у нее сжималось сердце. Она кляла собственное бессилие: чем помочь этой маленькой собачке, потерявшей целый мир?!

День за днем Лена разговаривала с Маруськой. Выносила на прогулки, умоляла поесть. С последним было особенно плохо. Иногда удавалось скормить Марусе пару кусочков. По мнению Лены, этого бы не хватило для жизни даже мышонку. Но однажды...

– Маруся, поешь. Ну, прошу тебя. Хоть чуточку, – потеряв всякую надежду, уговаривала Лена. Безрезультатно.

Неожиданно ее взгляд зацепился за неприметную тряпочку, застрявшую в подушках кухонного диванчика. Лена потянула и вытащила на свет бабушкину прихватку-рукавичку. Повертела в руках, надела. Маруська подняла голову, потянулась носом к прихватке... Не очень понимая, что делает, Лена положила на ладонь, облаченную в рукавичку, немного корма. Маруська уткнулась носом в ее ладонь, всхлипнула, как показалось Лене. А когда подняла голову, ладонь опустела...

Так и повелось. Сначала Лена кормила Маруську с руки, предварительно нарядившей в бабушкину рукавичку. Потом просто клала вещь рядом с миской Маруськи. И, о чудо, маленькая чихуашка начала есть! А потом потихоньку окончательно ожила. Звонко лаяла на подозрительные звуки на лестнице, охраняла Лену на прогулках и даже иногда играла с соседским добродушным стареньким таксиком.

Лена наконец вздохнула спокойно. Бабушкина «подружница» вернулась к жизни! Правда, полноценной собакой она Маруську так и не считала. Ну, скажите на милость, что это за отважный защитник, которого приходится носить в сумке просто потому, что у могучего пса устали лапы? Вот то-то и оно. Но однажды Маруська доказала Лене, как же та ошибалась.

* * *

Наступила холодная, тоскливая осень. Лена потихоньку обживала бабушкину квартиру, училась, заботилась о Маруське.

– Ну что, Марусенция, пойдем гулять? Сегодня дождя нет! Поэтому наряжаем тебя в это розовое безобразие – и вперед! – Лена потрясла перед Марусиным носом комбинезончиком.

Маруська с готовностью засуетилась под ногами. Гулять она любила.

Погода стояла совершенно не осенняя. Конец октября, а гляди ж ты, солнышко играет в остатках разноцветных листьев и даже греет. Пусть робко, но все же... Лена с Марусей ушли

далеко от дома, когда октябрь передумал быть милым. Набежали сердитые тучи, похолодало, и начался дождь.

– Ну что, Марусь, до хаты на мне поедешь? – задала Лена риторический вопрос, сажая задрожавшую Маруську в сумку.

Когда Лена с драгоценной ношей на плече подходила к дому, уже зажглись фонари. Вокруг них, собранные из света и дождевых капель, сияли маленькие разноцветные ауры. Лена с каким-то детским восторгом наблюдала за этим вполне бытовым волшебством и даже не заметила, как в холодных сумерках от стены дома отлепилась одинокая фигура в капюшоне и направилась к ней.

– Сумку! И телефон! – потребовал хриплый мужской голос.

Та растерялась и, вопреки инстинкту самосохранения, только крепче вцепилась в ручки импровизированной Маруськиной переноски.

– Глупо! – сообщил голос из-под капюшона. А затем рука незнакомца рванула сумку на себя.

И вот это действительно было глупо... Маруська, убаюканная размеренными шагами хозяйки, проснулась и, как маленький персиковый чертик, высунулась из сумки. Не раздумывая, вонзила острые зубы-иголочки в руку незнакомца.

– Твою-то!.. Что за!.. – заорал мужчина, стряхивая непонятного сумочного агрессора.

Когда Маруська разжала зубы, чтобы высказать бандиту все, что она о нем думает, тот воспользовался моментом. Отскочил и, витиевато ругаясь, баюкая раненую руку, поковылял прочь от ненормальной девицы, которая вместо денег и телефона носит с собой злобное чудовище...

Лена, все еще не до конца поверив, что спаслась, побежала к парадной. Маруська заходила злым лаем, раскачиваясь в сумке у нее на плече. Казалось, что она посылает вслед неудавшемуся грабителю проклятия!

* * *

Вечером, забравшись в уютное кресло и закутавшись в плед, Лена взяла на руки Марусю и завела с ней серьезный разговор.

– Прости меня, Марусенция! Правда! Я такую ерунду о тебе думала и говорила. Представляешь, даже за собаку тебя не считала! И однажды обругала клопом! Прости! Никогда больше так не буду! Ты героиня и защитница. Прямо три кило праведной ярости! Бабуля была права! Хочешь, вот прямо завтра пойдем с тобой в зоомагазин, и я куплю тебе любую игрушку, любую вкусноту, какую ты сама выберешь?! Обещаю!

Маруська благосклонно смотрела на Лену и помахивала хвостом. «Молодец, умница, прощаю! Лучше поздно осознать свои ошибки, чем никогда!» – говорил ее взгляд.

* * *

Бежали месяцы, и однажды Лене позвонила мама.

– Лен, у меня на работе коллега щенков овчарки пристраивает. Я сразу о тебе вспомнила! Ты у нас теперь дама взрослая, самостоятельная! К тому же всегда мечтала о собаке! Хочешь, поедem посмотрим?

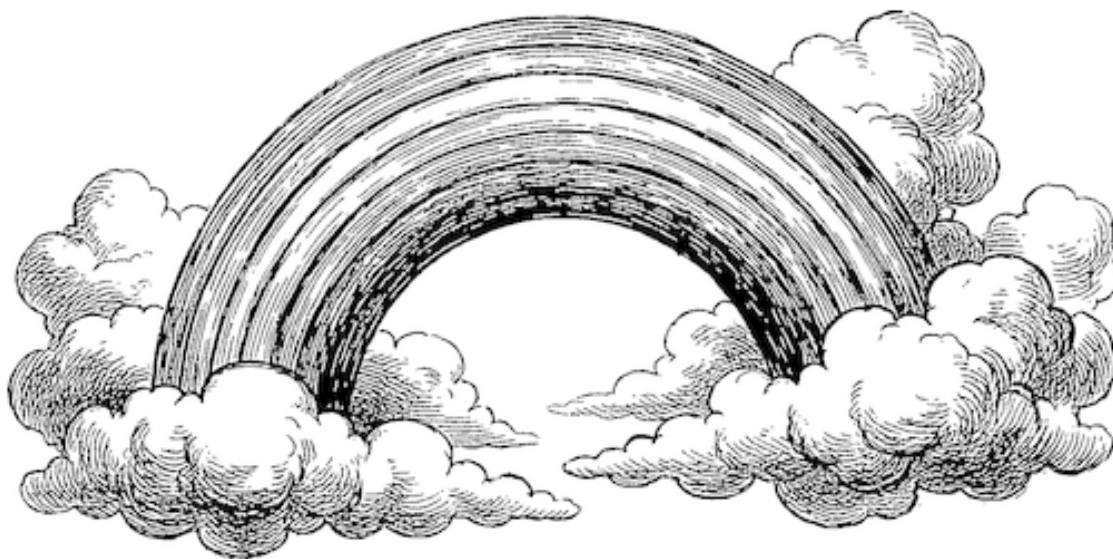
– Спасибо, мам, но у меня уже есть собака. – Лена поглаживала Маруську, устроившуюся на коленях.

– Это ты про бабулину фитюльку? Сама же говорила, что это не собака!

– Глупая была! Маруся – самая лучшая собака в мире! Только вот ревнивица жуткая, – Лена усмехнулась. – Так что я, пожалуй, не буду нервировать мадам. Овчарка – это, конечно, здорово... Но Маруська лучше!

Чихуашка подняла голову, посмотрела на Лену... Казалось, что она улыбается.

У подножия радуги

Марта бежала к исполинскому семицветному мосту. «Похоже на сон. Вот сейчас я проснусь, и снова придет боль! Вонзится когтями в тело, ввинтится в мозг раскаленным шурупом...» – думала она. Но сон не заканчивался. Лапы приминали зеленую травку, сияло солнце на пронзительно голубом небе, а впереди изгибал спину разноцветный мост...

– Торопишься? Это правильно! Я, пожалуй, составлю тебе компанию! – раздалось справа. Марта повернула голову, рядом семенил серьезный седой пес...

* * *

Марта была маленькой собачьей старушкой: тринадцать лет как-никак. Она уже не ждала перемен в своей жизни, довольствовалась тем, что имела. А имела она, по собачьим меркам, совсем немало. Уютную хозяйку – бабушку Таню, собственную миску и мягкую лежанку, которой предпочитала хозяйскую постель. Бабушка Таня не ругала и не гнала Марту. Две родные души, казалось, настолько проросли друг в друга, что ссориться из-за какой-то мелочи было просто глупо.

У Марты, кроме бабушки Тани, никого не было. У самой хозяйки где-то имелась дочь Иринка, но вниманием она мать не баловала. Поэтому две старушки коротали век вдвоем. У каждой что-то побаливало и поскрипывало. Они поддерживали друг друга... И Марте думалось, что так будет если не вечно, то очень долго. Но у жизни свои планы.

Однажды утром Марта неуклюже сползла с кровати и уже было направилась к кухне и миске, ожидая, что бабушка Таня последует за ней, шаркая пушистыми тапочками. Но за спиной было тихо: ни скрипа кровати, ни звука шагов... Ничего. Марта обернулась: хозяйка и не думала вставать. Марта позвала ее. Бесполезно. Она присмотрелась: баба Таня выглядела такой умиротворенной и неподвижной, что Марта все поняла и заплакала, застонала. Горько и безутешно...

* * *

Горе привело с собой перемены. Приехала почти забытая Мартой дочка бабушки Тани, Иришка.

– Господи, сто лет у мамы не была, а здесь ничего не изменилось! Даже дворняга эта до сих пор жива! – Ира явно не обрадовалась Марте. – Куда ж тебя девать-то...

Марта не ответила, она не знала, куда девают старых ненужных собак.

– Ох, мама, ну вот вечно от нее одни проблемы! С живой ссорилась всю дорогу, а после смерти я о собаке ее думать должна! А почему? Я эту дворнягу всегда терпеть не могла, – возмущалась Ира себе под нос, перебирая вещи бабы Тани.

Но Марта была ей все-таки благодарна: ведь, несмотря ни на что, Таня ее не выкинула на улицу, не усыпила, не сдала в приют. Поднапряглась и нашла тех, кто готов был временно приютить собачку, пока не отыщется новый хозяин. Через пару дней в осиротевшей квартире бабы Тани появилась незнакомка.

– Вы уж простите, Оля, что я нашу собачью бабульку к вам сама не привезла. – Засуетилась Иришка. – Совсем замоталась.

– Да нестрашно. Мы тут рядом проезжали, – улыбнулась та. – Зовут-то ее как?

Ира задумалась, потеряла висок.

– Вы представляете, не помню! Что-то весеннее...

– Капель, солнышко, март... – начала перечислять Ольга.

На последнем слове Марта встрепенулась.

– Ну вот и выяснили! Марта, – обрадовалась Оля. – Пойдем, Марта. Я понимаю, что тебе тошно и тоскливо... Но надо идти.

Марта не стала капризничать: какая разница, в сущности, где жить, когда родной дом перестал быть родным, утратив самое главное – бабу Таню.

* * *

Ольгин дом сначала удивил Марту. Мало того что, помимо нее самой, там было еще три собаки, так еще там пригласилась пара котов. Котов! Эти нахалы бродили по диванам, совали носы в собачьи миски и совсем не боялись. Один даже подошел вальяжно к Марте и попытался ее обнюхать! За что получил лапой по носу. Марта была возмущена до глубины души! А оскорбленный в лучших чувствах кот побежал кляузничать Ольге.

– Мартуся, у нас тут не принято обижать друг друга. За что ты Маркизу наваляла? Он свой, хороший, – увещевала та Марту.

Но Марта не верила. Как может быть хорошим наглый кот? Впрочем, вскоре она поняла, что и в этом странном доме, похоже, надолго не задержится.

– Слушай, новенькая, оставь кошака в покое. Он, в общем-то, ничего. Да и дружить тебе с ним не надо. Это же перевалочный пункт. Ольга нас кормит и холит, конечно. Но только до той поры, пока за нами не придут настоящие хозяева! – сообщил Марте рыжий длинный пес. – Со мной вот завтра придут знакомиться.

– Вот я влипла на старости лет! Утраты, скитания, переезды! Да еще и кошки! – возмущилась Марта.

Она последовала совету рыжего пса: с котами больше не ссорилась. Спокойно ждала, когда за ней придет обещанный рыжим настоящий хозяин. Но он почему-то задерживался. Уже давно забрали рыжего, на его место приехала маленькая запуганная собачка... Да и вообще, постояльцы менялись в Ольгином доме. Только Марту никто не хотел взять домой.

– Старовата, – отказался один мужчина.

– Несимпатичная она какая-то! – Дала обидную оценку Марте молоденькая девушка.

– Тявкает много! Громко и раздражающе! – Строго посмотрела на Марту сверху вниз суровая дама.

Марте было грустно и обидно...

– Слушай, ты здесь давно живешь! Бывало такое, что для кого-нибудь так и не находился настоящий хозяин? – однажды спросила она у Маркиза.

С тех пор как кот получил по носу, он предпочитал не замечать Марту. Но тут снизошел до ответа.

– Было такое... Ольга тогда совсем старого пса приютила. Хозяева усыпить хотели, да пожалели в последний момент. Так вот, никто его не забрал! Так и ушел старик отсюда прямо на радугу!

– Куда, прости, ушел? – удивилась Марта.

– Ты что, про радугу не знаешь?! – Глаза Маркиза стали совсем круглыми. – Да где ты жила-то?! Все знают про радугу!

– Ну не кривляйся, расскажи! – потребовала Марта.

– Когда умираешь, то оказываешься у подножья огромного разноцветного моста. Нужно его перейти, и на той стороне ты сможешь вечно гонять по зеленой травке, не мучаясь от голода, холода и жажды. А еще там исполняются желания! Крутое место! Не знаю, сказка это или нет, но некоторые верят.

– Постой, постой, значит, моя старая хозяйка ушла на радугу? – вскочила Марта.

– Нет... Люди уходят куда-то в другое место, – разочаровал ее кот.

Марта поникла. А потом она заболела.

Сначала что-то случилось с правой половиной морды: глаз не желал открываться полностью, губа отвисла... Маркиз, увидев, долго катался по полу и совершенно неприлично ржал.

– Да уж, не красавица... – согласилась Марта.

А вот Ольга не смеялась, наоборот – забеспокоилась. Она звонила врачам, о чем-то договаривалась. А потом схватила Марту, которая бродила по кухне кругами, натываясь на предметы, погрузила в машину, и они поехали...

Дальше Марта помнила плохо. Врачи, резкие запахи, странные аппараты... И боль! Такая страшная, что казалось, от нее можно сойти с ума... Раскаленный шуруп буравил мозг. Марта плакала в голос, потом проваливалась в забытие. Было трудно дышать. Почему-то рыдала Ольга... А один из врачей повторял ей странные слова: «Инсульт... Гуманно... Отпустить... Отмучается...»

Последнее, что Марта запомнила, это мокрое лицо Ольги близко-близко... А потом темнота.

* * *

Когда Марта снова открыла глаза, светило солнце. Она подняла голову и вдруг осознала: ей не больно! Этого просто не могло быть! Марта потянулась и огляделась.

Чуть поодаль, за сочным зеленым лугом, возвышался огромный разноцветный мост.

– Радуга! Маркиз не наврал! – Марта даже присела.

Но долго рассиживаться не имело смысла: раз есть мост, нужно его перейти! И она побежала. Лапы несли легко, как в молодости.

– Быстро ты освоилась! Некоторые по часу в себя приходят: все обнюхивают, трогают лапами. Не верят! Я, пожалуй, с тобой! – Справа от Марты нарисовался седой пес.

– Ты знаешь, что делать дальше? – поинтересовалась Марта.

– Биг знает все! Биг – это я! – важно заявил пес.

– Марта...

– Сейчас мы должны попасть на ту сторону, и там нас ждет чудо!

– Какое?

– Каждого свое! – загадочно произнес Биг.

И сколько Марта ни пыталась его, пес больше не проронил ни слова. «Хвастун! – обиделась Марта. – Ничего он не знает!»

* * *

У подножья гигантской радуги сидел кот. Обычный, серый, в полосочку...

– Кошка?! – простонала Марта.

– Я вам не кошка! – обиделся кот. – Я Приветствующий! Хотя таких, как ты, приветствовать вот ну ни капли не хочется!

Хвост Приветствующего гневно заходил из стороны в сторону.

– Ну, прости... – Марте стало стыдно. – Просто вот этот, – она кивнула на Бига, – чудо обещал, а тут ты! Только не обижайся, но на чудо ты ни капли не похож.

– Для чуда нужно мост перейти, а не гадости Приветствующему говорить! Ладно уж... – Кот приосанился и с пафосом произнес: – Привет вам, теперь все тревоги позади, ничему не удивляйтесь. Вперед, к счастью!

Биг рванул по радуге, Марта кивнула коту и последовала за ним.

Они бежали, неслись, летели... А вокруг раскинулась безмятежная красота. Пели птицы, где-то вдалеке слышался лай. Только вот не было и следа присутствия людей. Марта погрузилась. «Похоже, люди в перечень чудес радуги не входят», – мелькнула мысль.

Они спустились к подножью с другой стороны радуги. Деловитый Биг тут же куда-то исчез. «Наверное, побежал за своим чудом», – подумала Марта. И побрела в сторону леса. Она так надеялась встретить здесь бабу Таню...

Тихая лесная полянка, несмотря на солнечный день, была подернута легким туманом. Марта уселась на границе леса и тумана. Присмотрелась: кто-то шел к ней.

– Мартуся, – позвал знакомый голос.

Марта затрясла головой: это воображение...

Силуэт приближался. Вот уже виден знакомый фартук в цветочек, синее платье с белым воротничком... Марта вскочила, хвост заходил из стороны в сторону.

– Марта!

Она рванула к бабе Тане и уткнулась носом в синий подол, вдохнула родной запах. Мягкая ладонь пробежала от макушки до хвоста Марты. Глазам стало горячо и мокро...

– Так бывает? – спросила она у бабы Тани.

– Здесь иногда бывает! – улыбнулась хозяйка. – У радуги для каждого свое чудо... Пойдем.

И они пошли сквозь туман. Двое: старушка и собака. К своему совершенно особенному чуду, только для них двоих...

Живые подарки

Встречающим Батю назначили давным-давно. Он не очень задумывался почему. Наверное, потому, что прожил большую, хорошую жизнь. Был верным, честным, любящим и любимым. А то, что беспородный, так на Радуге это неважно.

Работу свою Батя исполнял на отлично. Стоял у подножия цветного моста на могучих серых лапах, встречал новичков, слушал их истории, растолковывал, что к чему.

Сперва было трудно. Потом пообвыкся. Не то чтобы зачерствел, просто научился принимать то, что сам изменить не в силах.

* * *

Мысленно он разделил проходящих на группы. Были там счастливики-старички. Те, которые по судьбе как сам Батя. Всю жизнь с хозяином, словно одно целое. От рождения и до последнего вздоха.

Были герои. Этих Батя особенно уважал. Потому как ценой своих жизней другим погибнуть не дали. Псы-спасатели, коты-хранители.

Еще были случайные. Это те, кого злой рок не пожалел. Под колеса толкнул или гадость ядовитую слопать позволил.

Их Батя жалел. Но понимал: жизнь – штука сложная, не на всех удачи хватает. К этой мысли он пришел со временем.

И вроде бы все ничего. Если бы не подарки! Так он называл последнюю группу. Там были те, кого люди приравняли к вещам. Их дарили вместо букетов и пылесосов, презентовали на дни рождения и просто так. Начиная с того, что у подарков тоже имелась душа.

Вот к их существованию Батя притерпеться никак не мог. Сердце каждый раз рвалось на части. Хотелось выть, кусаться, орать.

Однажды он даже спросил: «Великий Свет, да почему же такое случается в мире?»

Но Великий Свет промолчал...

* * *

Сегодня у подножия Радуги топтался собачий подросток. Смешной, неуклюжий, нескладный.

Батя наметанным глазом сразу понял – подарок. Вздохнул, но деваться некуда. Нужно выслушать.

– Не бойся, рассказывай, – подбодрил он щенка.

– Чего? – тот пугливо озирался.

– Историю свою. Чувствую: будет она коротенькой.

Щенок потрогал лапой подножие Радуги, поник.

– Это получается – со мной уже все?

Батя кивнул. Понятливый пацан, умным псом мог бы вырасти.

– Да нечего там рассказывать. – Щенок уселся на травку. – От мамки забрали, вручили незнакомой дамочке. Я сонный был. Помню, что мамкин запах сменился на чужой, потом меня начали вертеть во все стороны, разглядывать.

Помню, мамкина хозяйка меня нахваливала, говорила, что я отличный парень. И вырасту в великолепного корги. Не знаю, что это такое. Но дамочка радовалась, кивала.

Потом повезла меня домой. Вручила девчонке: «Вероничка, ты же хотела коржика? Вот, держи! С днем рождения тебя!»

Позже узнал, что я подарок. Вероничке исполнялось семь лет. И она мечтала о собаке. О том самом корги, которым я так никогда и не стал.

Ну а уж когда дамочка поняла, что я дворняга, она «решила проблему».

Я слышал, как она говорила со своим мужчиной.

– Обманула меня заводчица-поганка. Обещала, что пес породистый, только без документов. Поэтому и продает так недорого. М-да, лопухнулась я. Теперь надо решать проблему.

– Я тебе давно говорил, скупой платит дважды! Что делать будешь? – поинтересовался мужчина.

– А что делают с неудачными подарками?

– Передаривают?

– Выбрасывают. Тем более Вероничке он уже надоел. Некрасивый, говорит. Да и мне осточертело за ним убирать. Выпущу на улицу, пусть идет на все четыре стороны. Лето, ничего ему не сделается. Дворняги живучие, может, подберет кто.

Меня выбросили в парке. Я беспризорничал, дожил до зимы, а вот до весны уже не получилось. Холодно.

Щенок замолчал. Батя проглотил комок. Надо взять себя в лапы, объяснить пацану, куда ему дальше идти. Доброе что-нибудь сказать.

– Кончились твои несчастья, парень. Перейдешь мост – и по тропинке ступай. До самого Великого Света. Не промахнешься. Все у тебя будет отлично теперь.

Щенок махнул рыжим хвостом, твякнул и припустил со всех лап по Радуге. А Батя остался с новой дырой в душе. О, как же он ненавидел эту Вероничку, а еще больше ее маму, которая посмела приравнять живое создание к вещи!

* * *

«Хоть бы следующий был счастливчиком, ну или хотя бы героем. Успокоиться мне нужно», – мечтал Батя.

Но ему не повезло. После щенка к Радуге подошла белая кошка. Маленькая, юная. И снова подарок! Подарки почти всегда молоды.

Батя мысленно взвыл. Но работа есть работа.

– Подходи, не бойся. Я должен выслушать твою историю.

– Я не хочу! – Кошка заплакала. – Этого не может быть. У кошек девять жизней. Меня не должно быть здесь.

Батя ждал, пока она успокоится, поймет, примет. Лезть с утешением здесь бесполезно.

Наконец кошка затихла, взглянула на Батю зелеными глазами.

– Значит, Радуга?

Тот кивнул.

– И это навсегда? Плохо-то как... Я думала, у меня еще есть время. Иначе бы не сиганула с балкона.

– Расскажи, легче станет, – попросил Батя.

– Да глупо все как-то. Нелепо. Меня подарили мальчишке. Совсем маленькому, лет четырех, наверное. Я не очень разбираюсь в людском возрасте. Может, он и не хотел мне зла, но умишко-то еще малышовой. Вот он и тискал меня, словно пупса резинового: «Кисся, кисся!»

Мама его не лучше. Бантик розовый мне на шею повязала. Пацаненок меня чуть не удавил этим бантом.

Я терпела, пыталась прятаться под кроватью. Находил, за хвост вытаскивал. Больно, обидно.

На взрослых в этой семейке тоже надежды никакой. Смотрят, умиляются, как карапуз их «кисю» драконит.

Наконец кончилось у меня терпение. Чиркнула ему по руке когтями и на балкон. Шестой этаж, но возврата нет. В квартире пацан орет, маманя его вокруг скачет. Меня выдрать грозит.

Огляделась я: дерево напротив. Далековато, конечно, но рискнуть стоит. За спиной верная погибель. Кроме того, думала: если промахнусь, тоже ничего страшного. Про девять кошачьих жизней вспомнила.

Прыгнула – и мимо. Теперь вот здесь.

Кошка обернула лапы хвостом, выжидающе посмотрела на Батю.

– Байки все это про девять жизней. – Он попытался улыбнуться, получилось криво. – Радуйся, что про Радугу – правда. Иди вперед, с моста спустишься, дальше по тропке и к Великому Свету.

- Спасибо. Ты уж прости, что истерику закатила.
- Удачи.

Кошка ступила на Радугу, Батя провожал ее взглядом. Белая шубка быстро превратилась в облачко, потом в точку, а после и вовсе исчезла. Высок был разноцветный мост.

Захотелось сбежать. Ну что же за день-то сегодня такой.

* * *

Но Батя остался и через минуту снизу услышал:

– Привет!

Он наклонил голову. У левой лапы сидел хомяк. Крошечный, рыжий, растрепанный.

«Только не это! – застонал Батя про себя. – Третий подарок подряд – это перебор!»

– Знаю, знаю, нужно рассказать историю. – Хомяк перебил его мысли. – Ты не переживай, я скоренько. Мы, грызуны, долго не живем. Поэтому все знаю. Мне мамка моя недавно снилась, объяснила, как у вас все устроено.

Батя кивнул, приготовился слушать.

– Как я уже сказал, хомяки на Радугу быстро попадают. Наш век и так недолог, а уж если ты стал подарком для человеческого ребятенка, то можно сразу к цветному мосту собираться.

Меня подарили. Детей в этой семье было двое. Но я даже не успел понять, чей я подарок. Так как меня выпустили на диван и забыли.

Сначала я думал, что мне повезло. Мог ведь сбежать, жить вольным грызуном. Но в этой семье, оказывается, был еще и кот! И вот я перед тобой.

Дальше мне, как я понимаю, через мост, по тропе и к Великому Свету?

Батя снова кивнул.

– Спасибо, что встретил, я побежал.

– Счастливого пути, – пожелал Батя и понял, что больше он точно не выдержит!

«Великий Свет, отпусти ты меня, – взмолился он изо всех сил. – Уволь из встречающих. Не могу больше. Старался, на сердце броню выращивал. Только вот при встрече с подарками трескается она до сих пор».

Вокруг полыхнуло белизной, да так ярко, что Батя на секунду зажмурился и понял: его услышали.

– Великий Свет?

– Он самый, – прошелестело в голове. – Ты уйти хочешь? Понимаю. Только жаль тебя отпускать. Может, станешь учителем?

– Это как?

– Недавно идея ко мне пришла... Мир захлебывается в жестокости. Прямо эпидемия бессердечия. Вот и решил я учить людей. Пусть увидят, чем их поступки оборачиваются. Может, что и поймут.

– Да как увидят-то? – не понял Батя.

– Очень просто. Во снах. Хочет человек, допустим, животное подарить, словно магнитик на холодильник. А ты ему раз – и сон подкидываешь. Какой? Это тебе виднее. Придумаешь. Главное, чтобы двуногий опомнился.

– А как я узнаю, что у людей в головах?

– В этом я тебе помогу. Все же я высшая сила. Согласен?

Батя подумал и загорелся. Хуже точно не будет, а вот лучше – вполне возможно.

* * *

Первым Батиным учеником стал шестнадцатилетний Василий. Нормальный парень, симпатичный. И очень влюбленный в девочку Танечку.

Она скоро собиралась праздновать день рождения. Как же Василию хотелось ее поразить. Подарить что-нибудь эдакое. Оригинальное, неизбитое. Он голову сломал, раздумывая над подарком. И вот однажды Танечка ему помогла. Увидела в парке китайскую хохлатую.

– Ах, какая собачка необыкновенная, – восхитилась Танечка. – А хозяйка у нее так себе. Мне бы такая порода больше подошла.

Сказала и забыла, пошла себе дальше. А вот Василий запомнил. Решил, что обязательно подарит своей Тане щенка китайской хохлатой. В лепешку расшибется, займет у родителей, у бабушки, у всех, кто даст.

Вот его снами и занялся Батя, пока беды не случилось. Накануне покупки щенка Василию приснилось, что его, малюсенького, беззащитного и голого, подарили собачьей семье.

Мама-собака опустила его на ковер между двумя лобастыми щенками и сказала:

– Играйте, ребята. Подарок вам на день рождения. Говорят, породистый.

Щенков не нужно было упрашивать. Они толкали Василия, прикусывали, тянули каждый к себе. Он вырывался, плакал от ужаса и уже почти простился с жизнью. Но тут щенков позвали обедать.

Исцарапанный Василий спрятался под кровать. Только успел отдышаться, явился папа-пес.

– Где там ваш подарок? Ага! Чую, заныкался. Лапой не достать.

Под кровать просунули палку, зашуровали. Василий заметался, но палка была настойчива. Пришлось выскочить на свет божий, дрожа и рыдая.

Папа-пес сперва его разглядывал, потом обнюхал.

– Дорогая, он пахнет дворнягой! Я же просил не покупать подарок без меня. К тому же он, похоже, больной. Глаза слезятся, весь трясется. Не давай его больше ребятам.

– Они расстроятся, – вздохнула собака-мама.

– Не успеют. Давай так: этого на улицу. Скажем, что сбежал. Ну, не тратить же деньги на лечение дворняги. А им купим что-нибудь другое.

Василия сунули в мешок и понесли к помойке, там и бросили. Он видел все сквозь малюсенькую прореху. Пахло ужасно, но он был рад – свобода!

Только радовался Василий рано. Мешок был завязан крепко, порвать его тоже не вышло. Потом сверху посыпалось что-то, запах усилился. Его закапывали в мусоре! Воздуха не хватало. Василий забился, задергался и... Проснулся. Постель смята, подушка мокрая, волосы дыбом.

«Живой! – выдохнул Василий, а потом решил: – Не буду Танечке собаку дарить. Она и животных-то не слишком любит. Один раз всего заикнулась, что китайская хохлатая прикольная. Вдруг не понравится ей подарок, возьмет и выбросит».

Отличный первый результат! Может, это капля в море. Но для Бати это великая радость! Живая душа не станет бездумным подарком.

* * *

Дело пошло. После Василия Батя поработал с одним папочкой, который без мамы воспитывал маленькую дочку. Он так старался ей угодить, что исполнял все желания своей принцессы.

А принцесса хотела сегодня одно, завтра – другое. И однажды потребовала котенка в подарок. Папочка, конечно, согласился. Тогда-то Батя и вмешался, наслал ночное видение.

Папочке снилось, что он бегал за бантиком. Он жутко устал, но отдохнуть ему не позволял огромный хозяин-котенок. Стоило папочке остановиться, как тот хватал его, тискал и мял.

– Ути-пути, маленький, какой же ты миленький.

У папочки хрустели кости от этих ласк. Он хотел побыть один, просто полежать и отдохнуть. Но выбора не было! Либо играй, либо на ручки. И что хуже, непонятно.

Деваться некуда. Он – подарок. И если он надоест, его обещали усыпить. Папочка не хотел, чтобы его усыпили. Но и играть больше не было сил. Он упал. Его сгребли в охапку.

И он не выдержал, укусил! Раздался жуткий вой. Папочку заперли в клетке.

– Завтра с тобой разберемся! – услышал он приговор мамы-кошки.

Папочка сел в углу ждать своей участи. В душе завозилась тоска. И вдруг пришло облегчение. Пусть усыпляют. Это не жизнь.

Он почувствовал, как по щекам ползут слезы, и...

Открыл глаза в своей постели. Было темно, тихо, привычно тикали часы на стене. И никаких огромных котят.

Батя наблюдал, как папочка озирался спросонья, ощупывал себя. Он слышал, как тот прошептал: «Не будет живых подарков!»

Надо ли говорить, что Батя был счастлив.

* * *

Время летит. Много на Баатином счету спасенных. Щенки и котята, хомяки и попугайчики, черепашки и хорьки. Всех не перечислить.

А впереди работы еще больше. Очерствели сердца, заскорузли души. Но Батя не унывает. Попросил у Великого Света помощника. Тот обещал.

Но пока Батя учит людей один. Как умеет, показывает им, что живая душа не вещь, не игрушка и уж тем более не подарок. И надеется, что поймут.

Часто понимают. Некоторые задумываются. Это дороже всего. Значит, мир не совсем пропащий.

Ветром принесло

В дверь колотили. Это уже было невозможно списать на непогоду. Игнорировать тоже не получалось. Поэтому баба Маша встала и прокралась в коридорчик. Тихо, как мышка. Но за дверью ее услышали.

– Открой!

Баба Маша ойкнула, ретировалась на кухоньку и затаилась на табуретке. За дверью не унимались: стучали, упрашивали и даже подвывали, что было совсем страшно и непонятно.

В первый раз баба Маша пожалела, что вокруг ни души.

* * *

Она зимовала в своем дачном доме не первый год. И никогда не страдала, что переехала подальше от людей. Не нужны они ей.

Виктора все равно никто не заменит. А тыкаться к другим, искать понимания, вести пустые разговоры – это все не про бабу Машу. Она покоя искала.

Кроме того, копеечка к пенсии за аренду ее комнаты в коммуналке тоже не лишняя. Квартирой они с мужем так и не разжились. Не вышло.

В лихое время все почти потеряли. Но тогда силы были, вера в будущее, планы. Не оправдались эти планы. Не у всех мозги под бизнес заточены. Хорошо хоть совсем без жилья не остались. Ну да это все в прошлом. Благо, любили друг друга даже в комнатухе. А вот детей от этой любви не случилось.

Баба Маша тогда всю свою нежность на мужа обрушила. Да только муж тоже не вечный. Ушел пять лет назад. Одну-единешеньку бабу Машу оставил.

Она не плакала. Слезами мужа не вернешь, так и нечего воду лить. Надо дальше жить, хоть и неохота. Хорошо, домик в полуживой деревне от мамы остался. Раньше они с Виктором там только летом бывали.

Он его продать не позволил.

– Ты, Маня, земель не разбрасывайся. Я из этого дома конфетку сделаю. Выйдем на пенсию и переедем на природу.

Эх, планы... Не суждено им было сбыться. Да и в конфетку дом Виктор не успел превратить. Подремонтировал кое-что, конечно. Стоит вот, не падает. И на том спасибо.

Даст бог, на век бабы Маши хватит. Повезет – будет он недолог. Впрочем, как знать. Может, очередная непогода снесет домишко к черту лысому. Хотя бы и сегодня.

Ветер такой, что стены стонут, в трубе воет. Страшно. Дождь лупит в окна, словно внутрь попасть ему надо любой ценой. Да и сосна-великанша совсем рядом. Скрипит окаянная, качается. Того и гляди рухнет и раздавит!

Электричество к тому же отключилось. Вот баба Маша пораньше под одеяло и забралась. Решила все страшное проспать. Да не тут-то было.

* * *

Сперва кто-то скребся в дверь. Баба Маша прислушивалась, а потом убедила себя, что это дождь. А может, ветку какую ветер приволок к двери. Вот и елозит она по доскам, царапает.

И только она в это поверила, тут же раздался стук. Да такой ритмичный, настойчивый. С перерывами. Постучат, перестанут, а потом снова: тук-тук, тук-тук-тук.

Этого баба Маша не выдержала, пошла к дверям. А там и правда кто-то живой оказался.

Нет, баба Маша не из пугливых. Столько всякого пережила, что бояться разучилась. А все же как-то не по себе.

По телевизору все время рассказывают, что жуликов да душегубцев всяких вокруг развелась тьма-тьмущая. И такие они ушлые: ничем не брезгуют, даже пенсиями стариковскими.

Помирать-то, может, и не страшно, а вот последнее какому-то пройдохе отдавать жалко. Да и кто его знает. Вдруг не прибьет сразу, сначала помучает. А мучиться бабе Маше вовсе неохота.

Все это она передумала, скукожившись в темной кухоньке на табуретке. А потом поняла: не стучат больше. Прислушалась и услышала: всхлипывает кто-то за дверью, да не только всхлипывает, еще и скулит жалобно.

«Не станет жулик-душегуб под дверью слезы лить!» – решила баба Маша и пошла к дверям. Лязгнула засовом, ручку дернула, пока передумать не успела.

* * *

На крылечке под проливным дождем сидел дедок. Маленький, сухонький. В ушанке, ватнике и кирзовых сапогах. Рядом с ним свернулся в клубок пес бурой масти.

– Чего надо? – От испуга баба Маша уперла руки в бока и нахмурила брови.

– Живая! – обрадовался дедок и вскочил со ступеньки.

– А с чего мне помирать-то? – удивилась баба Маша.

– Ну, мало ли. Может, с перепугу, – пожал плечами дедок. – Ночь, стихия, а тут мы в дверь колошматим.

– А чего это вы в нее колошматите? – Баба Маша насупилась.

– Так деваться нам с Шариком некуда. Тут такое дело, понимаешь... Последнего крова мы лишились. Пусти обсохнуть, а? – Дедок умоляюще воззрился на бабу Машу.

Шарик замахал хвостом и робко понюхал ее тапочку.

– Вообще-то я бомжей не привечаю, – проворчала баба Маша. – Ну да ладно, входите. Сделаю для вас исключение. Погода и правда собачья.

Гости не заставили себя уговаривать. Юркнули один за другим на кухню. Дедок сразу завожился у почти погасшей печки, пес устроился рядышком.

– Если по-хорошему, никакие мы не бомжи, – объяснял дедок, ловко отщипывая от чурки тонкие щепки. – Обидно даже слушать такое.

– А кто же вы тогда? Бездомные ведь, сам сказал. Да и видок у тебя – прости господи.

– А что видок? – обиделся дед. – Нормальный. Все домовые, между прочим, так ходят.

– Так ты домовой? Очень интересно, а чего же тогда без дома?

– Был дом! – сказал дедок, устраиваясь на низкой скамеечке и глядя на оживший огонь. – Все было. Только вот люди – создания неблагодарные! Сами в город рванули, а меня бросили. Я первые годы за домом следил, как мог. Думал, вернутся. А может, новые жильцы появятся. Фигушки. Никого.

Потом я затосковал, забросил свои обязанности. Каюсь. Но меня можно понять – ради кого мне дом держать? Домовой-то ведь тоже нужным быть хочет. Короче, плюнул я на все, в спячку впал на годы.

Да только вот этот меня разбудил неделю назад.

Дедок кивнул на пса.

– Приблудился к моему крыльцу и расплакался. Он ведь пацаненок еще. Дурашка собачья. Видать, тоже бросили его за ненадобностью. Вот он и мыкался, бедняга.

Короче, проснулся я. А вокруг – мама дорогая. Разруха форменная. Дом на ладан дышит. Стены того и гляди сложаются, крыша вот-вот обвалится. Я чинить! Да не успел. Буря налетела. Я такой давно не видывал, чтобы в декабре дождь хлестал да ветрюга буянил! В общем, рухнул наш домишко, не выстоял. Вот и пошли мы с Шариком приюта искать. К твоему порогу он

меня привел. Учужал, видно, тепло да запахи съестные, доходяга. Стучали-стучали мы, а ты не открываешь. Я и расстроился. Больше-то и податься некуда. Темно вокруг, пусто, холодно.

Ну, хорошо то, что хорошо кончается. Теперь-то мы все в порядке будем.

– Постой, постой, дедуля. – Баба Маша нахмурилась. – Это что же ты здесь остаться решил? А я тебя приглашала? Непогода пройдет, и шуруйте, дом свой отстраивайте или другую дурочку ищите. Мне компания не нужна.

– Да ты погоди, хозяйка, отказываться, – заторопился домовый. – Ты, видно, не поняла, какое тебе счастье привалило. Дом, я гляжу, у тебя без хозяина. Крыша течет, пол скрипит, сквозняки гуляют.

– Какой есть!

– Да ты не сердись. Послушай. Я ведь не в упрек. Просто ты с домовыми дела не имела, а то бы сразу свою выгоду поняла. Я ведь твой домишко в порядок моментом приведу. И сам глаза мозолить не стану. Домовые они такие. Их забота – чтобы жилье стояло крепко да хозяев радовало. Вот тогда жизнь, считай, удалась.

– Мягко стелешь, дедуля. – Баба Маша прищурилась. – А я что тебе за это?

– Да бог с тобой, хозяйка! – Домовой замахал руками. – Ты мне и так смысл жизни подаришь. А уж коли доброе дело еще сделаешь, так тебе и вовсе цены не будет.

– Ну?

– Шарика не обижай, оставь у себя. Умнейший щен. И выслушает, и грусть-печаль прогонит. Не попрошайничает, слушается, а надо будет, и защитить сумеет.

Баба Маша задумалась. Вроде ей и без людей неплохо. Так эти двое вовсе и не люди. А одиночество, чего уж там, заглядывает иногда с тоской под ручку. К тому же прав дедок: дому ремонт нужен, да рука хозяйская.

Пес тоже в хозяйстве не помешает. Страшновато без защитника порой, хоть она и хорохорится.

– Оставайтесь, так и быть, – разрешила баба Маша. – Я, может, и не очень гостеприимная, но выгоду свою понимаю.

Домовой улыбнулся в седую бороду, погладил Шарика, что-то шепнул ему на ухо. Песий хвост загулял, уши поднялись.

– Ты на что это его подговариваешь? – поинтересовалась баба Маша.

– Объясняю, что ты добрая, хоть и строишь из себя неизвестно кого. Да он и сам это знает.

– Ладно, болтуны, спать пора.

Она бросила Шарiku старый тулуп у печки. Обернулась к домовому, хотела ему раскладушку предложить. Да только дедок исчез, словно и не было его.

– Вот тебе раз, куда пропал-то? – спросила баба Маша у пса.

Тот не ответил, поерзал на тулупе, положил голову на лапы и задумчиво взглянул на бабу Машу. Ей показалось, что Шарик улыбается.

– Ну и пускай тогда сам обустраивается. А я спать!

Она думала, что не заснет. Сумасшедшая ночь приключилась. Но провалилась в сон, едва одеялом успела укрыться. И снилось ей что-то славное. Что – не вспомнить, только проснулась баба Маша в чудесном настроении.

Шарик ее терпеливо поджидал на кухне.

* * *

Домового баба Маша с той ненастной ночи так и не видела. Сначала она даже засомневалась: а был ли он на самом деле. Вот Шарик – он точно был. И есть. И ест, и гавкает, и играет, и бабу Машу обожает. А вот домовый...

Только все сомнения пропали, когда она обнаружила, что крыша больше не течет. Из окон не тянет студеными сквозняками, половицы не скрипят, а старенькая табуретка перестала шататься.

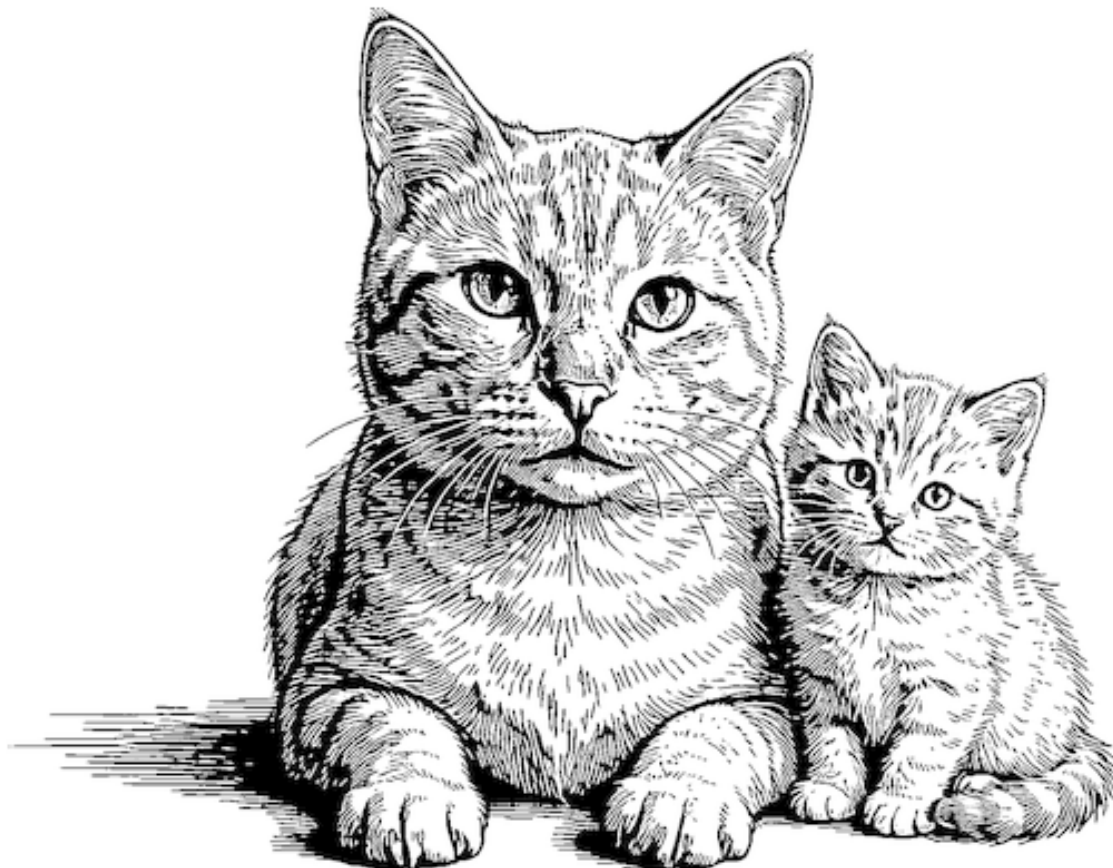
Кроме того, Шарик иногда замирал, вроде как прислушивался к чему-то. Хвостом дрожал, ушами шевелил, бухтел что-то по-своему, по-собачьи. Ясно ведь, с другом старым, домовым, неслышную беседу вел.

Дом тоже с домовым перешептывался. Уютно так, тихонечко. Хорошо спалось под этот шепот. Раньше-то дом все больше стонал да жаловался.

И баба Маша изменилась, чего уж там. Костлявую больше не вспоминала. Нечего о ней зря думать. Придет в свой срок.

А пока не явилась, надо жить, Шарика кормить, огород сажать, печку топить, дом свой любить. А что там дальше будет, время покажет. Жизнь любит удивлять.

Бабушка лохматая

Баба Маша и серая кошка Ксюшка были дамами в возрасте. Не до глупостей уже. Давно прошла пора безумных влюбленностей, праздной суеты и утомительных хлопот.

Во всяком случае, так считала баба Маша.

– Есть все-таки в старости свои плюсы, – говорила она кошке. – Вот взять нас с тобой, например. Хорошо ведь живем. В квартире уют и чистота. Все по-нашему. Жизнь, может, и предсказуемая, но ведь это тоже неплохо. Заслужили мы покой. Я уж точно. Детей на ноги поставила, внучку отнянчила. Девке в этом году двадцать четыре стукнет. Теперь можно и отдохнуть. До правнуков.

Ксюшка вроде соглашалась, помуркивала. Но однажды летом удивила бабу Машу до невозможности.

Ну да обо всем по порядку.

* * *

Заканчивался очередной июнь. Денек стоял погожий, душистый, свежий. Дул ветерком в открытое окошко, ерошил Ксюшкину пушистую шерстку. Кошка млела на подоконнике, баба Маша вязала, наверное, сто первую пару рукавичек.

«Зачем ей столько? – лениво подумала Ксюшка. – Внучка взрослая, перчатки нынче носит. Не иначе моя баба Маша уже к правнукам готовится. А вот у меня даже внуков не было!»

Мысль была новая, непривычная и очень печальная. Вот ведь кошачья доля! До седых усов дожила, а бабушкой так и не побывала.

Словно в ответ на ее мысли, из зарослей сирени раздался писк. Еле слышимый, но Ксюшка забеспокоилась. «Никак детишки кошачьи мамку потеряли», – подумала она и сиганула вниз. Благо, этаж первый.

Баба Маша даже не заметила, что подоконник опустел. Поэтому очень удивилась, когда за входной дверью раздалось требовательное знакомое «Мау!»

«Вот ведь неугомонная кошка. Не сидится ей на месте!» – вздохнула баба Маша, отложила вязание и пошла открывать.

Ксюшка была не одна. Рядом с ней на половичке ползал и пищал серый крошечный котенок.

– Это еще что? Ты где ребятенка взяла? – удивилась баба Маша. – На сносях не ходила, и вот тебе здрастье-пожалуйста.

Ксюшка молчала, жмурилась, подрагивала хвостом, но признаваться не торопилась.

– Балда ты серая, что же я с такой малявкой делать буду? И ты не помощница, стара ты уже для котят. Показывай, откуда карапуза стибрила!

Кошка посмотрела на хозяйку обиженно.

– Нечего тут из себя оскорбленную добродетель строить! Веди! – велела баба Маша, заворачивая котишку в полотенце.

И Ксюшка повела. Вниз по лестнице, на улицу, нырнула в кусты сирени. Оттуда позвала:

– Мау!

Баба Маша, ругаясь себе под нос, полезла следом.

– Вот окаянная, куда же ты меня тащишь-то?

Под кустами царил полумрак, и в нем пряталась от праздных глаз рыжая бездомная кошка. Под боком у нее копошились трое котят.

– Рыжуха, – признала баба Маша. – То-то я и смотрю, давно тебя не видно. А ты тут детвору нянчишь. Принимай, твой ребяенок.

Баба Маша развернула полотенце, пристроила котенка к остальным. Кошка насторожилась, но пропажу приняла, облизала, смывая чужой запах.

Рыжуха давно прибилась к местным дворовым котам. Полудикая, тощая, пугливая. К людям не ластилась, но в кошачьей столовой возле трансформаторной будки появлялась регулярно. И вдруг пропала. А дело вон в чем.

Баба Маша вылезла, кряхтя, на свет божий, подхватила Ксюшку на руки.

– Молодец, товарку пожалела. Голодает, поди. С ребятишками не больно-то разбежишься. Только котят воровать было не обязательно.

Ксюшка вывернулась из хозяйских объятий, дернула хвостом.

– Да ладно, не возмущайся, понимаю: ты как лучше хотела. Сварганим для Рыжухи персональную столовую. Прямо у нее под носом! Ты этого ведь добивалась?

Бабе Маше казалось, что она раскусила кошачью тактику. Но как же она ошиблась!

Потому как следующим днем Ксюшка снова явилась под дверь с Рыжухиным котенком.

С тем же самым, что и вчера.

– Да что же это такое! – всплеснула руками баба Маша. – Как же мамашка тебе хвост-то не накрутит? Зачем принесла?

– Ма-а! – объяснила Ксюшка.

– Никаких тебе «ма»! Раз слов не понимаешь, окна позакрываю, чтобы ты на улицу не бегала! – пригрозила баба Маша.

Потом вернула котенка родительнице, а вот угрозу так и не выполнила. Жаркое нынче выдалось лето. С закрытыми окнами заживо спечешься.

В итоге несчастный серый комочек на следующий день снова оказался на коврике перед дверью.

– Чего же ты к нему прицепилась? Стой, это не он, а она, похоже! Ксюшка, оставь девку в покое! Добром прошу. Загубишь ведь! Чего ты добиваешься, не пойму. В милую бабушку поиграть решила?

В третий раз баба Маша несла котенка к матери, а на душе было муторно. Может, черт с ним, приютить все кошачье семейство разом. Ксюшка уймется, да и Рыжухе с ребятей будет лучше. На улице, конечно, лето, теплынь, но там ведь собаки бегают, из окон, бывает, всякое кидают, да и школьники, не дай бог, обнаружат, обидят.

Кавардак, естественно, в квартире обеспечен. Ну да ничего, пару месяцев баба Маша потерпит, а там, глядишь, пристроит кошачью детвору. Их всего-то четверо.

«Моим девчонкам не до кошек, – размышляла она. – Дочка Надя животных не любит, у внучки Верочки своих забот хватает: работа, свидания. Дело молодое, замуж надо выходить. Зато у меня подружки-ровесницы есть. Женщины степенные, одинокие, душевные.

Может, и Рыжуху кто возьмет. Конечно, она уличная дикарка. Но вдруг...»

В общем, стараниями Ксюшки бездомная рыжая кошка с котятками оказалась у бабы Маши дома.

* * *

Сперва Рыжуха вела себя тише воды. Боялась, принюхивалась, оглядывалась. Привыкала к новым запахам кухни бабы Маши.

Ксюшка не отходила от них ни на шаг.

«И правда, вылитая бабушка. Сидит, наблюдает: верно ли мамка детей воспитывает! – думала баба Маша. – Хорошо хоть без скандалов!»

С этим выводом она поторопилась. Скандалы начались, правда, чуть позже.

Котят росли как на дрожжах. И у Рыжухи появилось свободное время. Вот тут-то она и показала свой характер на полную!

Оставляла ребятню на серую бабушку Ксюшу, а сама шла хулиганить. Диван драла, по шкафам скакала, на тапочки охотилась. А когда баба Маша ее ругала, то выгибала рыжую спину, сверкала зеленью глаз и шипела грозно. Словно говорила: «Я женщина свободная. Ты мне не указ. Сама в гости притащила – теперь терпи!»

И баба Маша терпела. Но любому терпению есть предел. Лето кончалось, пора было искать котяткам новый дом. А заодно и их скандалистке-мамке.

Оказалось, что это не так просто, как виделось бабе Маше. Подруги сразу отпали.

– Куда мне кошка? – ужаснулась одна. – У меня орхидеи редкие, статуэтки фарфоровые. Все же этому конец придет. Знаю я кошачьи тыгыдыки по ночам. Наслышана. Мне такого счастья не надо!

Вторая вроде задумалась, но лишь на секунду.

– Шерсти от кошек прорва. Я и так по три раза на дню пылесосу. Не терплю грязь. Так что – нет!

Третья и вовсе заявила, что денег на всякую четвероногую ерунду жалко!

– Вот так дела, – пожаловалась баба Маша Ксюшке. – Чего теперь делать-то? Я же на своих подружек надеялась. Думала, добрые, сердечные женщины. А они все как одна против кошек оказались.

Ксюшка сочувствовала, вылизывая свою любимицу – серую кошечку. Остальная мелюзга возилась рядом. Охотилась за бабушкиным полосатым хвостом.

– Ты-то, похоже, рада. А мне вот хоть волком вой. Ну куда мне столько? Устала. Особенно от Рыжухи. Это же фурия, а не кошка. Куда их всех девать, не представляю.

Решение пришло неожиданно, причем с той стороны, в которую баба Маша даже не смотрела. А именно, от внучки Верочки.

* * *

Давно она не была у любимой бабушки, закрутилась, замоталась. Стыдно. Надо исправлять. Поэтому однажды вечером Верочка собралась, купила торт и через пару часов звонила в дверь бабы Маши.

– Ох, не ждала, – встретила та. – Ну, проходи скорей, только не пугайся. У меня тут жильцы беспокойные.

Верочка удивилась, сунула ноги в тапочки и вошла на кухню.

– Боже мой, – восхитилась она. – Какое чудо. Это что, Ксюшка твоя окотилась? Вот это зажигает, старушка!

– Да господь с тобой, – замахала руками баба Маша. – Вон их мамка рыжая-бесстыжая под столом сидит. А Ксюшка у них вроде как бабушка.

– Красивая мамка!

– Красивая, а характер дрянной. Ругаемся с ней постоянно, – пожаловалась баба Маша.

И рассказала она внучке всю кошачью историю от начала до конца. Верочка слушала внимательно, удивлялась, хихикала, а в конце подытожила:

– Эх, бабуля, зря ты меня со счетов сбросила. Я, конечно, поганка. Захожу редко. Но помочь могу. Я ведь в женском коллективе работаю как-никак.

Дамы у нас самые разные. Есть и те, которые замуж сходили, развелись, поумнели. Поэтому нынче мечтают, чтобы дома их встречал кто-нибудь теплый, верный, а главное, благодарный. Например, кот.

– Да ты же моя спасительница, – обрадовалась баба Маша. – Может, и для Рыжухи кто найдется. Правда, у нее с благодарностью туго.

– Рыжуху я к себе заберу. Уж больно хороша, – улыбнулась Верочка.

– С ума сошла, девка. Тебе самой замуж выходить пора, а эта фурия вокруг тебя всех мужчин разгонит! – ужаснулась баба Маша. – Я же говорю – характер жуткий.

– Хороших не разгонит, – Верочка наклонилась, погладила Рыжуху, та стерпела. – А плохие нам самим не нужны.

Так вот все и разрешилось.

* * *

Верочка котят сфотографировала, женщинам с работы показала. На всех желающие нашлись. Только вот серенькую кошечку Ксюшка забрать не дала.

Сперва пыталась под диван ее спрятать, потом шипеть да пугать принялась, а после запричитала, заплакала.

Ни дать ни взять настоящая бабуля, у которой единственную внучку навсегда забирают!

– Оставь ты ее, Вера! – сдалась баба Маша. – Извинись перед теми, кому обещала. Ну не могу я на свою старушку смотреть. Не ровен час, у нее инфаркт приключится. С двумя кошками я как-нибудь справлюсь.

Вера вредничать не стала, конечно.

Серой кошечке дали имя Дашка. Живут они с Ксюшкой душа в душу. Та ее премудростям разным учит. Показывает, где когти точить, как умываться, в каком месте нужду справлять.

Баба Маша за ними наблюдает, радуется и думает: «Вот зря мы считаем, что животные сильно от нас отличаются. Ничто человеческое им не чуждо. Любят по-настоящему, грустят тоже. Своих ищут в этом мире. Так же, как мы.

Вот Ксюшка меня нашла тринадцать лет назад, сейчас внучку пригрела. А Рыжуха Верочку дождалась».

Хорошо все устроилось. Счастье – оно не только за печкой, а и под кустом, если надо, найдет.

Все как у людей

Людей Свистун не любил. Шумные, суетливые, временами опасные! Но Володька вызывал у него странные чувства. Почти родственные.

Уж больно он был похож на самого Свистуна. Такой же одинокий и редкий в своем племени.

Поэтому Свистун в последнее время с интересом наблюдал за Володькой. И... соперничал.

* * *

Они и правда были схожи судьбой: маленький воробыный сычик Свистун и Володька Сергеев, бирюк тридцати пяти лет от роду.

Володька о существовании Свистуна даже не догадывался. Жил себе тихо на окраине деревни, работал на местного фермера, скромное хозяйство держал. И вроде все у него было: куры, огород, автомобиль полноприводный, дом крепкий. Руки тоже откуда надо росли.

Только одного не хватало – верной подруги. Не ладилось у Володьки с дамами. Хоть мужик, по мнению Свистуна, чистое золото. Непьющий, спокойный, работающий. И чего этим женщинам надо?

Свистун заметил Володьку в середине весны. Апрель кончался, а сычик так и не нашел себе супругу. Хотя завидным женихом считался. Хозяйственным. Запасов наделал, дупло хорошее раздобыл. Бывшее дятлово.

В общем, не пустым на сватовство отправился. Да и, положа крыло на грудь, песню брачную Свистун исполнял на пять с плюсом. Петь он любил. Недаром свое имя носил.

Только вот не срослось. Первая сычиха песню вроде одобрила, так ей гнездо не понравилось.

– Маловато! Вот если бы совиное или беличье, тогда да. А так прости-прощай. Я на рай в шалаше несогласная.

Второй вроде жилище понравилось. Зато запасов показалось мало.

– Чего-то провианта у тебя негусто. Значит, охотник плохой. Как ты семью кормить соби-раешься?

Свистун от такой наглости даже задохнулся. Это он-то плохой охотник? Да многие его собратья все припасы за зиму слопать успевают, даже иногда с насиженных мест снимаются.

А у него полна коробочка. Только этой обжоре мало! Да и не нужна она такая Свистуну. Ее одну фигушки прокормишь, а с птенцами вообще – пиши пропало!

Третьей невесты для сычика не нашлось. Мало их в округе летает. Краснокнижный вид, не особо повыбираешь.

В расстроенных чувствах отправился Свистун тогда на охоту. Сам не понял, как оказался у дома Володьки. Здесь он никогда не был. Незачем. Самый краешек его сычиных владений.

«Почему бы не осмотреться, раз уж я тут!» – подумал он и уселся на ветку. Серое утреннее небо ждало, когда родится заря, а Свистун ждал добычи.

* * *

Из дома тем временем вышел мужик. В тельняшке, резиновых сапогах и трениках. Побрел к курятнику.

Следом показалась женщина при полном параде: ботики на каблучке, плащик светлый, косынка нарядная.

Свистуну стало любопытно, тем более что лицо у женщины было хмурое, не парадное.

– Прощай, Вовка! – крикнула она мужику в спину.

– А чего прощай-то? – обернулся тот. – Чайку давай попьем, о будущем поболтаем.

– Да какое с тобой будущее! Ты же курам своим больше внимания, чем мне, уделяешь. Ни слова ласкового, ни комплимента простецкого. Я-то, дура, расфуфырилась. А то, как же, на свидание собралась! Тьфу! Бирюк ты самый натуральный.

И дамочка направилась к калитке, осторожно перебираясь сквозь апрельские лужи.

– Не придешь, значит, больше? – спросил он ей вслед.

Она не ответила. Хлопнула калитка, оставив растерянного Володьку одного.

«Ох ты ж, батюшка-сыч! – поразился Свистун. – И в человеческом племени та же ерундистика! А я-то думал, только у меня беда на личном фронте».

От этой мысли на душе стало как-то легче. Выходит, брат по несчастью совсем рядышком живет. Пусть двуногий и здоровый, как лось сохатый. Но такой же непонятый, как сам Свистун.

С тех пор сычик взял над Володькой шефство. Охотился рядом с его домом. Благо, мышей у того в хозяйстве хватало. Хорошие такие, жирненькие, непуганные.

«Чего же он кошку не заведет? – удивлялся Свистун. – Не любит, наверное. Ну да ладно, теперь он под надежным крылом. Сберегу Володькино хозяйство. Близкая душа как-никак.

Да и мне польза будет. Из таких мышей деликатесные запасы получатся».

А еще влекло Свистуна к Володьке обычное любопытство. Нравилось ему наблюдать, как тот работает, как потом отдыхает на крылечке, как вздыхает и смотрит грустно на вечерние звезды.

«Страдает, бедняга, от одиночества», – думал Свистун. Он тоже страдал, хоть и бодрился. Ну не дело это – без подруги взрослому сычику жить. Ему бы жену кормить, детишек растить, на крыло ставить, род свой возрождать.

* * *

И так он однажды призадумался, даже не заметил, что его разглядывают. Поэтому вздрогнул, когда услышал под боком:

– Чего сидишь, не охотишься?

Маленькая сычиха устроилась рядышком.

– А ты чего? Все нормальные самки по гнездам давно, а тебя не взяли, что ли? Негодная?

– Сам ты негодный! – обиделась сычиха. – Просто за кого попало выскакивать замуж не хочу. Это же на всю жизнь!

– А чем тебе наши сычиные парни не угодили? – удивился Свистун.

– Скучные они. Поют только, когда в гнездо заманить хотят. А потом – прощай, романтика. Охота, дом, птенцы. И так по кругу.

Свистун аж поперхнулся. Ничего себе заявочка! Романтики у него еще никто не просил. Запасы – да! Жилье побольше – тоже! А песнями сыт не будешь. Ненормальная какая-то самка попалась.

– Вот скажи, тебе самому-то не тошно, что тебя только как добытчика рассматривают? – не унималась сычиха.

Свистун задумался. Вспомнились последние неудачи. А ведь права ненормальная в чем-то. На него потенциальные подруги даже не смотрели. На зов прилетели и давай в запасах рыться да гнездо измерять! Тоска же!

– Слушай, а как тебя зовут? – поинтересовался он у сычихи. – А то вроде умные вещи говоришь, а я даже имени твоего не знаю.

Сычиха нахохлилась.

– Кто как зовет. Одни – психичкой, другие – одиночкой, третьи – Амазонкой.

Свистун кивнул.

– Я тебя тоже буду Амазонкой звать. Хорошее имя. Гордое. И раз уж ты любишь песни, спою!

И он засвистел. Да так, что заслушаться можно. Она и заслушалась, даже глаза прикрыла. Свистун замолчал и осторожно поинтересовался:

– А может, ко мне? Я тебе дом свой покажу, а если хочешь, еще спою.

Амазонка задумалась, изучила Свистуна от светлых бровок домиком до последнего перышка в хвосте и согласилась:

– Полетели! За сердце ты меня своей песней зацепил. Только учти, если я с тобой останусь, петь придется часто! Меня одними мышами не удержишь.

Вот так неожиданно и появилась у Свистуна семья. Амазонка все его хозяйство разом одобрила: и гнездо славное, и запасы достойные. А уж голос! Слов нет.

Свистун был счастлив: повезло! Хорошо, что те две капризули от него отказались. Иначе не встретил бы он свою любовь. Пусть на самом краешке апреля! Еле успел. Тем ценнее.

* * *

В мае Амазонка снесла четыре белых яйца. Свистун стал папой. Охотился как заведенный, ничего вокруг не замечал. А еще пел! Радовал свою супругу. Про Володьку на время позабыл.

И вот однажды снова оказался рядышком с его домом.

«Ох, занесло меня. Ну да ничего, помнится, тут жирные мыши есть. Расплодились наверняка. Я со своей любовью совсем брата по несчастью забросил», – подумал Свистун и устроился на ветке караулить добычу.

Вечерело, на темно-синее небо выполз бледный месяц. И тут сычик обнаружил, что у его подопечного тоже жизнь перемениться успела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.